

Е.В. Суверов

К ВОПРОСУ О РЕЖИМЕ СОДЕРЖАНИЯ ЗАКЛЮЧЁННЫХ В МЕСТАХ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВРЕМЯ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

В военное время проводились различные мероприятия по ужесточению режима содержания подследственных и осужденных. Однако, несмотря на предпринимаемые меры, встречались факты несоблюдения установленных правил содержания спецконтингента из-за халатного исполнения своего служебного долга некоторыми сотрудниками правоохранительных органов, увеличения численности заключенных в сибирских тюрьмах, лагерях, колониях, сильного влияния воровского контингента в ряде пенитенциарных учреждений Западной Сибири.

Ключевые слова: тюрьма; колония; заключенные; Великая Отечественная война; Западная Сибирь.

Режим содержания заключенных в советских исправительно-трудовых лагерях в годы войны основывался на еще довоенном приказе НКВД СССР № 00889 от 2 августа 1939 г., где предусматривались надежная изоляция преступников и организация порядка содержания заключенных в лагере [1. Л. 359–372 об.].

В западносибирских местах лишения свободы заключенным запрещалось иметь: оружие, все виды алкогольных напитков, наркотические средства, лекарства, острорежущие предметы (ножи, бритвы, ножницы, пилки и т.п.), игральные карты, одеколон, различные документы, деньги, облигации, военнотопографические карты, планы местности и карты районов.

Во избежание подготовки побегов, беспорядков, провоза запрещенных предметов вся корреспонденция заключенных должна была тщательно просматриваться цензором. Не реже двух раз в месяц предусматривались тщательные обыски в помещениях, где проживали заключенные.

За нарушение режима содержания осужденных могли отправить на более тяжелые работы, в штрафной лагерьный пункт или штрафной изолятор, перевести на штрафной паек.

Во время войны активизировалась подрывная деятельность немецкой военной разведки среди советских заключенных. Немецкое командование планировало использовать многочисленную армию осужденных в организации беспорядков и диверсий в глубоком советском тылу. Среди заключенных, попавших к немцам в плен, велась активная вербовка с последующей заброской в различные районы Советского Союза.

В сибирские лагеря прибывали эшелоны с западных районов нашей страны, часто с прифронтовой линии. На сотрудников НКВД ложилась нелегкая задача противодействия подрывной деятельности противника, выявления шпионов, усиления режима содержания заключенных.

В годы Великой Отечественной войны происходило усиление охраны и изоляции заключенных. Надзирательскому составу поступил запрет выдавать газеты,

предоставлять свидания с родственниками, усилилась цензура за перепиской заключенных.

Лагерные пункты, командировки, участки и колонны, где находились заключенные, были обнесены забором с колючей проволокой, забором-частоколом, сплошным деревянным забором с целью предотвращения побегов.

Строже стали наказываться преступления, совершенные за колючей проволокой. За первые три года войны в местах лишения свободы к уголовной ответственности были привлечены 148 296 человек [2. С. 126].

В качестве репрессивной меры воздействия склонных к побегу и дважды судимых уголовников-рецидивистов отправляли в далекие северные лагеря на основании Директивы ГУЛАГа № 45/4586 от 24 апреля 1944 г.

Добровольному призыву в армию подлежали осужденные как за бытовые, так и за тяжкие преступления. В начале войны на фронт ушли около 6 000 бывших заключенных, отбывавших наказание в Алтайском крае [3. С. 19]. Заключенные, проявившие храбрость в боевых действиях, могли рассчитывать на полное снятие судимости.

Трудность поддержания предписанного порядка в местах лишения свободы в Западной Сибири заключалась в большом количестве объектов системы НКВД, разбросанных на огромной территории, не имеющей развитой инфраструктуры.

Тюремная система в Западной Сибири в начале войны состояла в Новосибирской области из:

- 1) Общей тюрьмы № 1 в г. Новосибирске;
- 2) Общей тюрьмы № 2 в г. Мариинске;
- 3) Общей тюрьмы № 3 в г. Томске;
- 4) Общей тюрьмы № 4 в г. Куйбышеве;
- 5) Общей тюрьмы № 5 в г. Сталинске;
- 6) Общей тюрьмы № 6 в г. Кемерове;
- 7) Общей тюрьмы № 7 в г. Колпашеве;
- 8) Внутренней тюрьмы в г. Новосибирске.

В Алтайском крае в тюремную группу входили:

- 1) Общая тюрьма № 1 в г. Барнауле;
- 2) Общая тюрьма № 2 в г. Бийске;
- 3) Общая тюрьма № 3 в г. Камне-на-Оби;

- 4) Общая тюрьма № 4 в г. Ойрот-Туре;
- 5) Общая тюрьма № 5 в г. Славгороде;
- 6) Пересыльная тюрьма № 6 в г. Барнауле.

В 1943 г. в Алтайском крае стало самостоятельно действовать (вышедшее из состава Сиблага) Чистюньское лагерное отделение УИТЛК по Алтайскому краю.

В данный период множество исправительно-трудовых колоний функционировали на Алтае:

- 1) Исправительно-трудовая колония № 1 в г. Барнауле;
- 2) Исправительно-трудовая колония № 2 в г. Барнауле;
- 3) Исправительно-трудовая колония № 3 в г. Барнауле;
- 4) Исправительно-трудовая колония № 4 в г. Барнауле;
- 5) Исправительно-трудовая колония № 5 в г. Ойрот Тура;
- 6) Исправительно-трудовая колония № 6 в с. Чибит Кош-Агачском аймаке;
- 7) Исправительно-трудовая колония № 7 в г. Бийске;
- 8) Исправительно-трудовая колония № 8 в г. Барнауле;
- 9) Исправительно-трудовая колония № 9 в г. Чесноковке;
- 10) Исправительно-трудовая колония № 10 в г. Славгороде;
- 11) Исправительно-трудовая колония № 11 в г. Рубцовске;
- 12) Трудовая колония для несовершеннолетних в г. Бийске.

На Алтае в 1943 г. был создан Алтайский исправительно-трудовой лагерь для строительства завода по добыче и переработке соды.

Многочисленный Сибирский исправительно-трудовой лагерь в 1941 г. имел в своем составе:

- 1) Мариинский отдельный лагерный пункт;
- 2) Орлово-Розовское отделение;
- 3) Ново-Ивановское отделение;
- 4) Суловское отделение;
- 5) Чистюньское отделение;
- 6) Арлюкское отделение;
- 7) Юргинское отделение;
- 8) Бериккульское отделение;
- 9) Антибесское отделение;
- 10) Кожуховский отдельный лагерный пункт;
- 11) Тайгинское отделение;
- 12) Яйское отделение;
- 13) Мариинское отделение;
- 14) Искитимский отдельный лагерный пункт;
- 15) Новосибирский отдельный лагерный пункт;
- 16) Бугринское отделение;
- 17) Ново-Кузнецкий отдельный лагерный пункт;
- 18) Новосибирское отделение;
- 19) Кемеровское отделение;
- 20) Асиновское отделение;

- 21) Ахпунское отделение;
- 22) Кривошековское отделение;
- 23) Исправительно-трудовую колонию № 7 в г. Томске;
- 24) Инвалидную колонию в г. Томске;
- 25) Бердскую исправительно-трудовую колонию;
- 26) пересыльные пункты в г. Мариинске и г. Новосибирске.

В ряде сибирских пенитенциарных учреждений в военное время наблюдалось грубое нарушение мер соблюдения режима содержания заключенных. Это происходило отчасти из-за тяжелейшего кадрового голода среди надзирательского состава, сильного влияния сплоченных групп воровского элемента в некоторых местах заключения.

Усугубляло ситуацию с соблюдением режима содержания в Западной Сибири резкое изменение численности заключенных из-за начала военных действий и эвакуации части спецконтингента на восток. К началу войны число заключенных в лагерях и колониях ГУЛАГа составило 2,3 млн человек. На 1 июня 1944 г. количество осужденных снизилось до 1,2 млн [4].

Если в стране наблюдалась общая тенденция сокращения численности спецконтингента в связи с оккупацией части территории нашей страны и мобилизации многих заключенных в ряды Красной армии, в Сибири вырисовывалась совершенно другая картина. Численность заключенных в сибирском регионе резко возросла в связи с эвакуацией промышленных предприятий и необходимостью обеспечения их деятельности бесперебойной работой.

Всего в тюрьмах, колониях, лагерях осенью 1943 г. в Алтайском крае находились около 33 000 заключенных, из них четверть приходилась на Алтайлаг. За годы войны заключенных только в Алтайском крае стало больше на 10 000 человек, чем в довоенный период [5. С. 30].

Не всегда администрация исправительно-трудовых учреждений принимала оперативные меры по нейтрализации деятельности уголовно-бандитского элемента в местах лишения свободы.

В октябре 1943 г. в Алтайский исправительно-трудовой лагерь в 44-ю колонну была направлена крупная группа воров-рецидивистов, собранная из других колонн, в связи с их постоянными нарушениями режима содержания. Прибывшие уголовники с первых дней стали саботировать распоряжение администрации, регулярно играли в азартные игры, грабили и избивали других заключенных. Издеваясь над некоторыми осужденными, воры заставляли возить их на себе к «параше» и обратно, а также из одного барака в другой. Под угрозой расправы, на потеху отпетым уголовникам несчастные часами маршировали в бараке, после избивания их силой загоняли под нары. Рецидивисты занимались мужеложством, периодически насиловали свои жертвы в ночное время. Члены банды регулярно не выходили на работу, оказывали вооруженное сопро-

тивление надзирателям, угрожали убийством командиру отделения Данилову, помощнику начальника колонны по труду Котельникову и вахтеру Строганову. В состав преступной группы входили 12 заключенных [6. Л. 28]. Позднее четверо самых активных членов этой группировки были приговорены к высшей мере наказания – расстрелу, другие получили значительные сроки лишения свободы.

В докладе ответственного инструктора политотдела ГУЛАГа О.А. Разина начальнику ГУЛАГа В.Г. Наседкину о работе УИТЛК УНКВД Новосибирской области 18 декабря 1941 г. отмечалось неудовлетворительное состояние режима содержания заключенных. В докладе говорилось, что особо опасный контингент заключенных, который подлежал переводу в усиленно охраняемую зону, еще туда не переброшен. Контрреволюционеры, иностранцы и бандиты по-прежнему содержатся в общих с прочими заключенными зонах, тем самым создаются условия, благоприятствующие серьезному нарушению режима.

Состояние штрафных изоляторов и порядок водворения в них заключенных зачастую находится в резком несоответствии с указанием Наркомата и Прокуратуры Союза ССР. Водворение в ШИЗО заключенных происходит часто без соблюдения установленного порядка по запискам, без указания причины наложения взыскания, срока наказания и т.д. Жалобы и заявления заключенных своевременно не направляются, обыски в бараках производятся редко. Даже в центральном штрафном лагпункте обыски производятся только раз в месяц. В Кривошековском отделении обысков не было с мая 1941 г., в Новокузнецком отделении последний обыск был в августе 1941 г. В ряде мест заключения Новосибирской области наблюдаются многочисленные случаи краж, картежные игры, сожительства и другие нарушения.

На 8-м лагпункте Ахпунского отделения нарядчиком являлся бандит Иванов и, по существу, в течение 2–3 месяцев он был хозяином лагпункта, перемещая заключенных из одной бригады в другую, сажал в карцер и избивал их. Особенно безобразно он поступил с заключенным Д.М. Белокрыничкиным. Под предлогом, что им похищена у других заключенных телогрейка (чего в действительности не было), Иванов посадил его в карцер, продержал там 5 суток, затем вызвал к себе в кабинет и начал зверски избивать, заявляя: «Это тебе как бывшему работнику НКВД».

Приказы Управления лагеря по вопросам режима на второй же день после их выпуска забываются, их выполнение никем не контролируется и действенных мер по ним не принимается. Указанные выше факты о несоблюдении режима содержания заключенных свидетельствуют о крайне неблагоприятном положении в лагере.

Многие руководители относятся к поддержанию режима заключения в местах заключения формально, мероприятия производят наскоком, бессистемно. В ряде отделов нет необходимых обобщенных статисти-

ческих данных, связанных с нарушением режима содержания, анализ которых крайне важен для правильной постановки работы в отделе [7. Л. 30–50].

Количество побегов из мест заключений в годы войны было достаточно велико. Только в Алтайском крае из-за грубых нарушений режима содержания совершили побег в 1944 г. 60 заключенных, в 1945 г. – 67 заключенных [8. Л. 88].

Побеги из мест заключения становились возможными из-за несоблюдения мер надзора за заключенными со стороны администрации сибирских пенитенциарных учреждений. Часто рабочий инвентарь (ломы, лопаты, пилы, топоры) валялись в беспорядке в бараках, где проживали заключенные, что давало им возможность совершать подкопы и нападать на надзирателей.

В ночь с 19 на 20 июня 1943 г. с лагерного пункта на лесозаводе № 1–2 Новосибирской ОЛП совершили побег Блейменов, судимый за измену Родине на 8 лет, Тулин, осужденный за антисоветскую агитацию на 10 лет, Шахмотов, судимый на 5 лет за грабежи. Побег был совершен путем подкопа из барака под зону лагеря длиной в 5 метров в овраг [9. Л. 41].

В тюрьме № 1 г. Барнаула в ноябре 1941 г. из-за халатности надзирающего состава в нарушении инструкции замки тюремного типа на дверях камер закрывали только на два оборота, что давало возможность уголовникам легко открывать замки без ключа и общаться с другими арестантами, передавать им запрещенные предметы, записки, совершать побег [10. Л. 214–216].

В некоторых пенитенциарных учреждениях заключенные совершали акты неповиновения, подстрекали других арестантов к беспорядкам и нападению на сотрудников НКВД.

Осенью 1942 г. в г. Сталинске в тюрьме № 5 заключенные, находящиеся в камере, подожгли вату и через окно бросили ее на ограду тюрьмы, намереваясь поджечь весь тюремный корпус [11].

В ряде исправительно-трудовых учреждений лица, склонные к побегу, а также воры-рецидивисты не находились полностью на особом контроле со стороны администрации колоний и лагерей.

7 января 1943 г. из Кривошековского отделения Сиблага бежали рецидивисты Фролов и Крючков, которые уже совершали ранее побег в сентябре 1942 г. из этого отделения, были пойманы и вновь отправлены в места лишения свободы. Вместо того чтобы включить их в режимную бригаду под усиленный контроль, начальник отделения направлял их на подконвойные работы. Опасные рецидивисты, оказавшись за зоной, воспользовались подходящим моментом и совершили очередной побег [12. Л. 4, 4 об., 5].

Способствовали нарушению режима содержания существовавшие тяжелейшие условия жизни заключенных в местах лишения свободы, приводившие к частым заболеваниям и высокой смертности среди спецконтингента.

Уже осенью 1941 г. в лагерях и колониях страны в отдельных ИТЛ за месяц умирали более 10% среднемесячного состава заключенных. В 1942 г. в ИТЛ умерли 248 817 человек при среднегодовой численности в 1 096 876 заключенных [13. Л. 1]. А всего во всей уголовно-исполнительной системе в 1941–1945 гг. ушли из жизни 351 360 человек [14. Л. 86].

При обследовании ИТК № 2 г. Барнаула 3 декабря 1941 г. было обнаружено, что в бараках грязь, ослабленные заключенные не выходили за водой, а водовоз, не дождав их, уезжал к другому барaku. Заключенные по 10 суток не мылись, свои постели не вытряхивали, вследствие чего в них разводились вши и блохи, постели не заправлялись. В деревянных кадках для питья обнаружена грязь. Истощенные заключенные не рубили дрова, а отщипывали от бревен по щепке [15. Л. 52].

Не улучшали ситуацию по осуществлению мер режима содержания заключенных случаи нарушения социалистической законности и со стороны сотрудников НКВД.

18 мая 1944 г. в Чистюньском лагерном отделении УИТЛК по Алтайскому краю проводник служебно-розыскных собак Кандауров проверял возвращавшихся с работы заключенных. У осужденного Джайнайлова он обнаружил в мешке запрещенные к проносу пред-

меты: картофель и металлический котелок. Кандауров достал котелок из мешка и сильно ударил им по голове заключенного [16. Л. 50].

В годы войны проводились различные плановые мероприятия по усилению режима содержания подследственных и осужденных в связи с тяжелейшей ситуацией в стране, вызванной чудовищными последствиями военных действий.

Несоблюдение режима содержания заключенных в местах лишения свободы Западной Сибири во время Великой Отечественной войны было вызвано халатным отношением к своим служебным обязанностям сотрудников НКВД, злостным нарушением рядом заключенных установленных правил поведения, увеличением численности спецконтингента, неразвитостью инфраструктуры, трудностями военного времени.

Толкали к нарушению режима содержания антисанитария, плохое питание, тяжелые условия труда и бытовая неустроенность в местах лишения свободы Западной Сибири.

Однако, несмотря на тяжелейшие условия службы, сотрудникам НКВД в целом удалось держать ситуацию под контролем в местах лишения свободы, нейтрализовать активных участников воровских групп, не допустить массовые беспорядки и побеги из пенитенциарных учреждений на территории Западной Сибири.

ЛИТЕРАТУРА

1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9414. Оп. 12. Д. 316.
2. Детков М.Г., Шамсунов С.Х., Алексушин Г.В., Яценко П.В., Селиверстов В.И. Уголовно-исполнительная система, 130 лет. М. : Юриспруденция, 2009. 302 с.
3. Кобелев А.И., Потапов Н.Д., Чернев А.С., Трусов А.Т. Государством призванные. Барнаул, 1999.
4. Земсков В.Н. ГУЛАГ (историко-социологический аспект) // Социологические исследования. 1991. № 7. С. 3–16.
5. Суверов Е.В., Малкова Ю.А. Система мест заключения в Алтайском крае (1937–1953 гг.). Барнаул : Барнаул. юрид. ин-т МВД России, 2012. 80 с.
6. Отдел реабилитации и архивной информации Информационного центра Главного управления МВД России по Алтайскому краю (ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю). Ф. 12. Оп. 2. Д. 407.
7. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 3. Д. 9.
8. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 2. Оп. 1. Д. 18.
9. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 313.
10. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф. 4. Оп. 1. Д. 283.
11. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф.4. Оп. 1. Д. 221–224.
12. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Новосибирской области. Ф.4. Оп. 1. Д. 313.
13. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 1179. Л. 1. Д. 1178.
14. ГАРФ. Ф. 9414. Оп. 1. Д. 2784.
15. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю Ф. 12. Оп. 2. Д. 788.
16. ОРАИ ИЦ ГУ МВД России по Алтайскому краю. Ф. 12. Оп. 2. Д. 190.

Suverov Eugenie V. Barnaul Legal Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russian Federation (Barnaul, Russian Federation). E-mail: suverovev69@mail.ru

TO THE QUESTION OF DETENTION REGIME OF PRISONERS IN IMPRISONMENT PLACES IN WEST SIBERIA DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR.

Keywords: prison; colony; prisoners; Great Patriotic War; Western Siberia.

The regime for prisoners in Soviet labor camps during the war was based on the order of the NKVD of the USSR dated August 2, 1939. Prisoners were forbidden to have weapons, all types of alcoholic beverages, narcotic drugs, drugs, sharp objects (knives, razors, scissors, nail files, etc.), playing cards, Cologne, documents, money, bonds, military topographic maps, plans and location maps of areas. Preventive maintenance of regime detention was viewing of convicts' correspondence. At least twice a month narrow searches should have been provided in the premises where prisoners lived. If prisoners violated the detention regime they could be sent to do harder work to the penal camp point or punishment cell, or transfer to penal ration. During the Great Patriotic the demand for increased protection and isolation of prisoners was increased. Supervisors get the prohibition to issue newspapers, to provide family visits, censorship for correspondence prisoners increased. The situation with observance of the regime in Western Siberia worsened due to sharp increase in the number of prisoners in connection with the transfer of prisoners from the Western parts of the country. Often the violation of detention in places of deprivation of freedom was associated with the negligent performance of their duties by the employees of the penitentiary system. Punishment cell for violators of detention regime was in a bad condition. The incarceration in punitive confinement was often

without compliance of established procedure, on written messages, without giving any reason for recovery of penalty and term. Searches were rare there. The number of prison breaks was great in the war. 60 prisoners in 1944 and 67 prisoners in 1945 committed prison breaks due to gross breaches of discipline in Altai. Prison breaks were possible because there were non-compliance of measures of prisoners' supervision by the administration of Siberian prisons. Work tools (crowbars, shovels, saws, axes) lay around in the barracks where prisoners lived, and it gave them the opportunity to make a tunnel and attack the guards. Prisoners had committed disobedience acts, had encouraged other prisoners to riot and attack on the NKVD in some penal institutions. Addicted to breaks and thieves-recidivists were not fully monitored by the administration of the colonies and camps in a number of prisons. Existed hardest living conditions of prisoners in places of detention which led to frequent diseases and high mortality rates among inmates contributed to the regime violation too. Detention violations of socialist legality by the NKVD did not also improve the situation. There were various planned measures to strengthen the regime of remand prisoners and convicted in the years of the war in connection with the grave situation in the country caused terrible consequences of military actions.

REFERENCES

1. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9414. List 12. File 316. (In Russian).
2. Detkov M.G., Shamsunov S.Kh., Aleksushin G.V., Yatsenko P.V., Seliverstov V.I. *Ugolovno-ispolnitel'naya sistema, 130 let* [The penal system, 130 years]. Moscow: Yurisprudentsiya Publ., 2009. 302 p.
3. Kobelev A.I., Potapov N.D., Chernev A.S., Trusov A.T. *Gosudarstvom prizvannye* [Called by the State]. Barnaul, 1999.
4. Zemskov V.N. GULAG (istoriko-sotsiologicheskii aspekt) [GULAG (the historical and sociological aspect)]. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*, 1991, no. 7, pp. 3-16.
5. Suverov E.V., Malkova Yu.A. *Sistema mest zaklyucheniya v Altayskom krae (1937–1953 gg.)* [The system of jails in the Altai Territory (1937-1953)]. Barnaul: Barnaul Law Institute of the RF Ministry of Internal Affairs Publ., 2012. 80 p.
6. The Department of Rehabilitation and Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in the Altai Territory. Fund 12. List 2. File 407. (In Russian).
7. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9414. List 3. File 9. (In Russian).
8. The Department of Rehabilitation and Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in the Altai Territory. Fund 2. List 1. File 18. (In Russian).
9. The Department of Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 313. (In Russian).
10. The Department of Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 283. (In Russian).
11. The Department of Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 221-224. (In Russian).
12. The Department of Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in Novosibirsk Region. Fund 4. List 1. File 313. (In Russian).
13. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9414. List 1. File 1179. L. 1. File 1178. (In Russian).
14. The State Archive of the Russian Federation (GARF). Fund 9414. List 1. File 2784. (In Russian).
15. The Department of Rehabilitation and Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in the Altai Territory. Fund 12. List 2. File 788. (In Russian).
16. The Department of Rehabilitation and Archival Information of the Information Center of the Main Internal Affairs Directorate of the Russian Federation in the Altai Territory. Fund 12. List 2. File 190. (In Russian).